

Камышников Л. Театр Русской Драмы. «Вишневый сад», ком. А. Чехова // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1946. 26 февраля. № 12356. С. 3.

Театр Русской Драммы

«Вишневый сад», ком. А. Чехова.

Нет тех слов, которые нельзя было бы сказать о горсточке истинных «героев труда», отдающих свое время работе по сохранению русского театра на чужбине.

Совсем бескорыстно и без малейшей надежды на какие нибудь материальные результаты, в условиях самых неблагоприятных, на сцене-блюдце, не приспособленной к большой пьесе, актеры играют по своему вдохновенно, местами очень ярко, с той великой любовью к театру, которая по выражению покойного В. И. Немировича-Данченко — «дорогого стоит».

Такова моральная сторона дела, именуемого «Театром Русской Драммы», сторона, достойная всяческого признания.

Но судить о спектакле приходится не под углом зрения личного подвига актеров. В целом и основном это произведение, вынесенное на суд публики, как таковое, подлежит оценке не моральной, а художественной.

Московский театр художников в свое время нашел тайну симфонического звучания чеховских пьес. Если бы музыканты занялись переводом чеховской тональности на музыку, то мы бы может быть сохранили наиболее оригинальное симфоническое воспроизведение драмы в русской музыке. Но этого сделано не было. И мелодия Московского театра постепенно выветривалась и испарялась. Попытка воспроизвести ее «из слух» по памяти — вещь безнадежная, и надо признать, что Театру Русской Драммы она не удалась.

Лейт-мотив Вишневого Сада, как его ставили в Москве, это нарастание бури, разыгравшейся на розово-белом фоне цветущего вишневого сада. Надвигается лето, потом осень и с ней придет тот страшный момент, когда чудесное видение будет разрушено, смято и срублено жестоким и неизбежным роком. Это нарастание трагедии — главный и основной тон пьесы. Найти его не удалось. Духа обреченности не было. Но остались живые чеховские образы. Остались актеры, игравшие в этот вечер свои роли старательно, любовно, а местами талантливо и вдохновенно, и об этом следует говорить главным образом.

Я уже писал, что у Чехова нет ролей, а есть образы. И они прошли пред нами, живые по сей день, выразительные, отличные друг от друга не степенью значительности, а яркостью художественной силы и жизненности. Все так же смешна и печальна в своем неистовом темпераменте, совсем не русская, не помнящая родства, Шарлота. Ее прекрасно играла г-жа Шупинская. Артистке удался внешний облик и акцент, и та горькая нота тоски одинокой и никем не приласканной женщины, которую запечатлел Чехов.

Забавен и смешон Епиходов — г. Желиховский, хоть несколько каррикатурен, схематичен. Епиходов серьезен. Это убежденный фаталист, верящий, что все небесные и земные силы существуют только для того, чтобы причинить ему неприятности. Комизм такого убеждения сильнее, чем шарж и подчеркивание.

Приятно, может быть слишком приятно, играет г. Ауэр Яшу. Яша неоприятен физически и душевно. От него пахнет пачулями и селедкой. От Ауэра не несло запахами лакейской.

Г. Зелицкий не прошел по сцене тенью чеховского Фирса. Фирс не старик, а младенец. У Фирса нет диалогов, он обращается к самому себе. Бормотанье Фирса — основное содержание его разговоров, слова, доходящие до слушателя, это только случайные просветы, никем не воспринимаемые. Они не могут встречать никакой реакции у окружающих. Фирс тот человек, которого забыли, а таких не замечают, и к ним не прислушиваются. Фирс г. Зелицкого не таков.

Не нашла настоящего тона и г-жа Божак — Аня, хотя внешне была близка к характеру роли.

Г-н Медунецкий несколько принарядил Гаева. Гаев живет в деревне, опустил, и скрывает свою отсталость под пышными высокопарными речами. Г. Медунецкий, не задаваясь такой сложной задачей, в общем приятно и искренно провел роль, пожалуй — это одно из самых больших достижений артиста.

Семенова — Пищуха превосходно играет В. Шупинский. Перевоплощение артиста достигнуто не только внутренне, но даже во внешности Пищуха чувствовалось то, что он сам поясняет: «говорят, что я похож на лошадь». Эта «лошадь» очень трогательно и с настоящим драматизмом проводит финальную сцену прощания с Раневской.

Г. Лопухин дал верный Чехову образ Лопухина, его простоту, его неловкость, а сцену возвращения с аукциона провел настолько реально, что зритель верит, что это событие не обошлось без участия спиртного. Это реализм неподдельно-театральный.

Облезлого барина Трофимова играл г. Фишер. В этой роли г. Фишер и по внешнему облику, и по душевному рисунку бесспорен и волнующе-убедителен. Типичный вечный студент.

Роль Дуняши исполняет г-жа Астрова. После волнения первого акта, исполнение артистки выровнялось и окрепло. Сцены второго, третьего и заключительного актов проведены артисткой в отличном комедийном тоне и с большим чувством художественной меры.

Роль Раневской играла вновь вошедшая в труппу, после долгого перерыва, г-жа Фиори. Г-жа Фиори дала красивый образ Раневской, в теплых и мягких тонах нарисовав образ надломленной и сбитой с пути жизни русской женщины. Сцена с Трофимовым проведена с глубоким драматизмом.

Наиболее совершенно и в тоне классического толкования роли играет Варо г-жа Лессе. Это поистине художественное воплощение, одно из самых отрядных в ряде ролей большого репертуара талантливой артистки.

Отлично играет прохожего г. Браденев. Недурны в маленьких ролях г. Никольс и г. Шостан.

Л. Камышников.